

ВОЗМОЖНО ЛИ ОРТОДОКСАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕЧНЫХ МУЧЕНИЙ?

Аннотация. Статья посвящена исследованию религиозно-философской проблемы зла в контексте традиционного христианства. Основное внимание уделяется рассмотрению противоречий, возникающих при сопоставлении учения о благом и всемогущем Боге и учения о вечных муках, поиску возможных путей их разрешения. В работе рассматривается ряд мнений, позволяющих смягчить или снять данную проблему, проводится их критический анализ. В результате автор приходит к выводу о невозможности полной теодицеи в рамках традиционной доктрины, но также подтверждает возможность защиты христианского учения от критики.

Ключевые слова: богословие; теодицея; проблема зла; универсализм; ортодоксия.

Сведения об авторе: Иеромонах Павел (Коротких), кандидат богословия, преподаватель Коломенской духовной семинарии, член богослужебной комиссии Московской епархии.

Контактная информация: 121433, г. Москва, ул. Малая Филёвская, д. 6, кор. 1, кв. 31, тел.: 8(916)567-25-83.

Приступая к этой работе, я осознаю, что судьба человечества в эсхатоне – тайна, по большей части скрытая от человеческого ума. Однако проблема зла, и ее наиболее острая постановка – проблема вечных мучений, является одним из главных аргументов атеистов против возможности существования Бога. В связи с этим очевидно, что защита христианства подразумевает ответ на указанный вызов с рациональных позиций (никакого другого ответа скептики не принимают).

Именно поэтому мной была предпринята попытка обобщить некоторые идеи христианских мыслителей, возникавшие в процессе осмысления проблемы вечных мучений, а особенно те из них, которые пригодны к использованию в современной полемике.

Чтобы обозначить суть противоречия, попытаюсь остро поставить вопрос о вечности мучений.

Каким образом могут сочетаться представления о *бессмысленном* мучении грешников *в вечности* и о благом, всемогущем и всеведущем Боге? Если Бог не может (не хочет) избавить от вечных мучений всех грешников, то почему Он не уничтожает их души¹?

Сначала рассмотрим вторую часть вопроса.

Аннигиляция?

В своем телесном состоянии мы не вполне осознаем, что именно значит «перестать существовать» онтологически. Некоторые люди еще при жизни проходят через некий опыт осознания равнодушной пропасти небытия (и я не говорю сейчас о самоубийстве, о прекращении *материального* существования). Никого этот опыт не оставляет равнодушным, а некоторых людей может привести и к экзистенциальному кризису. Скорее всего, ни одно разумное существо просто не может выбрать абсолютное небытие, если новая, посмертная реальность позволяет действительно осознать, что это такое.

Итак, один из возможных ответов на поставленный вопрос будет таким: Бог не уничтожает падшие души, вероятно, потому, что они сами не желают быть уничтоженными. Любое бытие, даже полное страданий, – лучше небытия.

¹ Я не буду углубляться в исследование положений христианского учения о Боге, которые здесь затронуты. Достаточно сказать, что попытки ревизии доктрины о всемогуществе и всеведении, предпринятые в рамках открытого теизма и теологии процесса, уходят далеко за границы общепринятых христианских взглядов и не представляют основы для теодицеи в рамках традиционного богословия.

В этом контексте высказывания вроде «я не просил, чтобы меня произвели на свет» выглядит особенно странно. Бытие как великий дар, ценность в себе не предполагает отрицательного осмысления. Отрицание бытия – оксюморон.

Аннигиляция разумных существ является неприемлемым вариантом не только для самих творений, но и для теистического, благого Бога, приведшего их в мир. Уничтожение душ грешников не является «лучшим решением», чем их вечное мучение. Постепенное «истление» душ в вечности также не кажется совместимым с божественной Любовью к творению².

В любом случае, учение об уничтожении душ грешников не является частью традиционного христианского учения³. Таким образом, актуальной остается только первая часть вопроса: каким образом могут сочетаться представления о *бессмысленном* мучении грешников *в вечности* и о благом, всемогущем и всеведущем Боге?

Отвергнув возможность аннигиляции душ грешников, мы встаем перед вопросом о бессмысленности их мучений. Поскольку муки не имеют конца и цели, они не имеют и оправдания (бессмысленная жестокость вдвойне безнравственна).

По-видимому, в отношении смысла мучений христианин может дать два варианта ответа:

1. Страдания не бессмысленны и не вечны. Смысл страданий – в очищении от греха, они должны завершиться восстановлением / исцелением / прощением страдающих.

2. Страдания не бессмысленны, но вечны. Смысл вечных страданий существует, но мы его не знаем (не можем знать в нашем нынешнем состоянии).

Первый вариант ответа по сути сводится к оригенизму, второй совместим с ортодоксией.

Оптимистическое решение проблемы сталкивается с очевидными препятствиями в тексте Священного Писания. Одним из ярких примеров является высказывание Господа: «И пойдут сии в муку вечную» (Мф. 25: 46). Попытки альтернативного толкования этого текста⁴ не были приняты православной традицией⁵. То же самое касается попыток истолковать такие высказывания как дидактические приемы, направленные на возбуждение ревности последователей Христа, а не как описание страшной загробной реальности.

В свою очередь второй, ортодоксальный вариант ответа на вопрос о вечности мучений представляет серьезный вызов для главной христианской идеи о любящем Боге. К тому же он, в отличие от первого ответа, представляет всего лишь защиту, а не полную теодицею, так как не отвечает на вопрос, в чем именно заключается смысл страданий. Впрочем, ортодоксальный ответ имеет свою ценность, показывая, что одновременное существование Бога и вечной муки не обязательно составляет противоречие.

² Также встает следующий вопрос: может ли онтологически ничтожное, меонное зло уничтожать созданные Богом души (хотя и добровольно соединившиеся со злом)? Невозможно положительно ответить на этот вопрос, не нанося ущерб представлениям о всесовершенном, всемогущем Боге.

³ Мортализм распространен, главным образом, среди протестантов (например, Адвентистов седьмого дня). В поддержку этого учения выдвигаются следующие тексты: Мф. 10: 28; Мф. 13: 40; Ин. 3: 16 («не погиб», «μη ἀπόληται» от ἀπόλλυμι (губить, уничтожать); Рим. 6: 23; Авд. 1: 15–16 и др.

⁴ В этом выражении есть слова, которые могут быть истолкованы в поддержку оригенизма. Мука, ἡ κόλασις, может быть понята как исправительное, а не карательное наказание См.: (Expositor's Greek Testament, Available. URL: <https://biblehub.com/commentaries/matthew/25-46.htm> (2019. 12 февр.)). «Вечный» в оригинальном тексте представлено словом αἰώνιος (производное от ἡ αἰών, век), а не αἰδιος (бесконечный, бессрочный). Это дало Оригену возможность интерпретировать «вечность» как очень продолжительную, но конечную длительность. На самом деле, учение Оригена об эоне сложнее. Современные исследователи видят оригеновский эон скорее не во временном смысле, а в качественном. См: (Tzamalikos 2007: 232).

⁵ На этот аргумент последовал ответ св. Василия Кесарийского: оригеновское понимание слова «вечный» означает, что окончится и блаженство праведников, ведь в продолжении евангельской фразы «а праведники в жизнь вечную» используется то же самое слово. См.: (Василий Великий. Св. 1901: 290–291).

Попытки смягчения противоречия

Суть этих попыток в рамках ортодоксии – представить мучения не результатом активных карательных действий Бога, а следствием состояния грешника. Например, используется ссылка на свободную волю: человек по смерти не может изменить свой выбор, и потому вечно мучается из-за последствий тех решений, которые были приняты им при жизни. Эти вечные последствия описываются в традиции как духовная слепота (неспособность наслаждаться божественным светом), мучение совести, опаление огнем божественной любви, удаленность от Источника божественной благодати...

К.С. Льюис в «Расторжении брака» (The Great Divorce) предложил несколько другой взгляд, допустив возможность изменения человеческого выбора после смерти⁶. У обитателей Ада есть возможность «уехать» в Рай и остаться там навсегда (Lewis Clive Staples 2002: 498). Согласно аналогии, предложенной Льюисом, души продолжают находиться в Аде по собственному желанию⁷.

В другой своей работе «Боль» (Problem of Pain) он говорит о том, что «двери Ада заперты изнутри» (Lewis Clive Staples 2002: 626). Впрочем, здесь Льюис более скептичен, упоминая, что проклятые имеют лишь «туманное желание» выйти из Ада, но на самом деле не хотят сделать даже шаг в этом направлении.

Отвергая универсализм и осознавая логическую неполноту традиционной теодицеи, автор пытается минимизировать проблему существования Ада как онтологического факта. По Льюису, Ад предстает всего лишь незаметной для ангелов и святых «трещиной в земле» (Lewis Clive Staples 2002: 537). Но этот «минимизированный Ад» остается проблемой, ведь Бог любви знает о вечном мучении грешников.

Обратим внимание и на то, что описания вечных мук, данные в Новом Завете, не выглядят такими «бесплотными» и «безобидными», как в работах Льюиса⁸. Попытку преодолеть эту трудность в духе универсализма сделал Джон Хик в своей влиятельной работе «Зло и Бог любви» (Evil and the God of Love)⁹. Однако такие опыты, восходящие к Оригену, противопоставляют текстологические и логические соображения традиции Церкви.

Хик расширяет римо-католическое понимание Чистилища так, чтобы оно вмещало все человечество. Процесс «прогрессивного освящения после смерти» (Hick 2010: 347) видится автору более абстрактно, чем в католической доктрине (например, в нем отсутствует традиционный элемент «очистительного огня»). Такое «Суперчистилище» становится универсалистским объяснением евангельских слов о вечной муке как о страдании, ограниченном во времени.

Итак, попытка смягчения проблемы зла вполне может привести богослова к оригенизму. Хик по сути развил идеи Льюиса, доведя их до логического завершения.

⁶ Джон Хик придерживался похожего мнения: «Реальность – это не совершенное творение, которое трагически расстроилось, но все еще продолжающийся творческий процесс, завершение которого лежит в эсхатоне». Cf.: (Scott 2015: 103).

⁷ Некоторые НЗ тексты заставляют усомниться в правильности этого взгляда (ср. Лк. 16: 26 и др.).

⁸ См.: Мк. 9: 43–44; Мф. 8: 12 и др.

⁹ «Между нами и изначальным значением, вложенным Иисусом, стоит двойственность Новозаветного слова αἰώνιος; неуверенность в отношении того как (если это вообще возможно) понятие бесконечной длительности могло быть выражено на Арамейском языке, на котором, вероятно, говорил Иисус; и свидетельство о проникновении еврейских апокалиптических тем в развивающуюся евангельскую традицию. Свидетельство текста должно быть соответственно интерпретировано в свете более широких соображений, извлеченных из учения Иисуса как целого. Если мы видим в сердце этого учения послание о действенной и суверенной божественной любви, мы найдем невероятной и даже богохульной идею о том, что Бог планирует постоянно пытаться какое-либо из Своих чад» (Hick 2010: 346).

Отдельно следует рассмотреть такую попытку смягчения проблемы, как представление об Аде-темнице (а не «пыточной»), из которой души могут быть выведены по молитвам Церкви, благодаря раздаваемой милостыне и подоб. Молитва Церкви «о держимых в Аде» возможна только в период времени, оставшийся до Страшного Суда. Если же допустить, что по молитвам Церкви все грешники будут освобождены от мучений, то кого Бог будет судить на Страшном Суде? В любом случае понятно, что мысль о молитве Церкви в таком ограниченном виде не является решением проблемы вечных мучений, как и другие ортодоксальные попытки ее смягчения¹⁰.

Нужно отметить, что в контексте значения молитвы об усопших периодически возникает тема прощения Богом некоторых прегрешений *уже умершим людям*.

«Всем таковым, мы утверждаем, помогают совершаемые за них молитвы и литургии, при содействии сему Божественной благостыни и человеколюбия, которое одни согрешения, сделанные по человеческой немощи, сразу же презрит и отпустит, как говорит Дионисий Великий в “Размышлениях о тайне священоусопших”; а другие грехи после известного времени праведными судами или также *разрешает и прощает*, и то – совершенно, или облегчает ответственность за них до конечного того Суда» (Амвросий (Погодин), архимандр. 1963: 60).

Остается вопрос: почему Бог как Царь мира не может простить все грехи всем грешникам? Здесь на передний план выходит соотношение божественной справедливости и божественной любви.

Божественная любовь

Что если вопрос не разрешим только в рамках юридической аналогии? Возьмем следующий известный пример из богословия прп. Исаака Сирина: грешники в Аде опаляются огнем Божией любви¹¹. На этой основе можно попытаться перенести проблему из контекста божественной Воли в контекст божественной Природы, из личностной плоскости в онтологическую. Этим снимался бы вопрос о нравственной ответственности Бога, потому что все решения принимает человек.

Рассуждение может выглядеть таким образом.

Бог не хочет мучения грешников, но Его Природа (описываемая как огненная любовь) такова, что грешники неизбежно страдают в вечности, будучи несовместимы с этой Природой. Поскольку «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15: 28), эта онтологическая данность для личностей, связавших себя с тлением греха, является вечным огненным мучением. В своем положении виноват сам грешник, так как его состояние является следствием его же свободного выбора.

Однако можно выдвинуть возражение, что в этом случае Бог кажется как бы «заложником» Собственной Природы и ее действие противоречит Его же разумной воле. Поэтому более подходящим будет дополненное объяснение: Бог предельно удаляет от грешника действие Своей огненной Природы, уменьшая его страдания. Можно сказать, что грешник отталкивает Бога, Который, со скорбью и не желая этого, удаляет от него Свою благодать. Это означает, что грешник вечно пребывает во мраке, лишенный божественного света.

¹⁰ Св. Марк Эфесский в качестве альтернативы Чистилищу также выдвигал учение о различии наказаний (на основании указания Писания о «многих обителях» (срав. Ин. 14: 2)). См., напр.: (Амвросий (Погодин) 1963: 71). Однако это также не является полноценным разрешением проблемы вечных мучений. Различие в наказаниях не упраздняет существования вечной муки.

¹¹ «Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение вящее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна никому такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией» (Исаак Сирин 2008: 106).

Кажется, такое объяснение достигает своей цели. Метафора огня и мрачного тартара находит неюридическое объяснение. В этом случае Бог не может быть обвинен в том, что сознательно подвергает грешников мучению. Остается, однако, следующая проблема: Бог *знает* об этом страдании (какими бы факторами оно не было обусловлено) и будет знать о нем всегда. Всеведущий Бог любви не может «забыть» об этом нескончаемом страдании.

Как это знание Бога о вечном мучении грешников совместимо с любовью к ним?

Ограниченная благодать?

Всеблагой Бог, знающий о вечной муке своих разумных творений, должен эти страдания прекратить (по крайней мере, такой вывод следует из обычных, человеческих представлений о доброте и любви). Если же мы допустим, что существует некоторое серьезное ограничение, не позволяющее Богу прекратить эти страдания (например, уважение к свободной воле падших существ, утвердившихся в зле), то наше представление о Боге становится противоречивым: получится, что Его уважение к свободной воле противостоит Его желанию прекратить страдания. Ввиду вечности мучений, это противостояние представляет серьезную проблему.

Проблема «раздвоенной» благодати

- (1) Бог благ, поэтому создал разумные существа, обладающие свободной волей.
- (2) Бог никогда не препятствует действию свободной воли разумных существ.
- (3) Бог благ, поэтому Он не хочет вечных страданий разумных существ.
- (4) Те существа, воля которых склонилась к злу, будут пребывать в вечной муке
- (5) Благодать Бога одновременно не желает вечных страданий разумных существ – (3) и допускает их – (2) и (4). При этом именно Бог создал существа со свободной волей – (1). Означает ли это, что внутри Божества существует конфликт?

Возможные решения:

- Мука имеет конец (4) – неверно.
- Благодать Бога (2) может каким-то образом примириться с вечным страданием грешников. Например, свободная воля сама по себе обладает такой ценностью, что оправдывает (4). Это не соответствует идеалистическому представлению об абсолютной благодати, но вполне совместимо со многими строками Библии.

Итак, при том что мы уже отказались от мысли об аннигиляции душ, первый вариант ответа – некая форма оригенизма. Ничем не ограниченная божественная любовь означает всеобщее спасение.

Напротив, принятие традиционного учения о вечных муках, по-видимому, неизбежно означает некое ограниченное понимание божественной любви (будь то уважение к свободной воле, правосудие, или что-либо другое). Такая любовь не вполне коррелирует с человеческими представлениями, и, вероятно, следует понимать ее в терминах «частичной равнозначности»¹².

Например, часто встречается утверждение о том, что любовь Божия соединена с правосудием. Само по себе такое соединение – парадокс. Совершенная любовь подразумевает прощение и оправдание. Правосудие подразумевает неотвратимость наказания за преступление. Итак, любовь Божия ограничена правосудием?

Кажется, сочетание любви и правосудия не означает еще, что наказание преступников должно быть вечным. Однако традиционное христианство не идет на компромисс: наказание бесконечно, так как преступление совершается против всемогущего Бога. При этом считается маловажным то, что само преступление совершается в ограниченный период времени¹³ существом, которое изначально ограничено в познании и нравственных способностях.

¹² Например, любовь Бога не может означать одобрения греха, согласия со злом ради любви и подоб., как это порой случается с человеческой любовью.

¹³ На все это можно возразить: если уж мы рассуждаем в рамках юриспруденции, серьезность наказания определяется количеством ущерба, нанесенного жертве, а не продолжительностью

Пытаясь сохранить последовательность в этом вопросе, мы могли бы прочитать утверждение «Бог есть любовь» с дополнением «к верующим в Него» (см. Ин. 3: 16), ведь «неверующий уже осужден» (3: 18).

Бог не любит зло, грех. Любит ли Он тех, кто *полностью и окончательно* соединил свою волю со злом? Ряд мест в Священном Писании, кажется, говорит о противоположном: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25: 41), «говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды» (Лк. 13: 27) и др. Может быть, любовь Божия обусловлена взаимностью: «Любящих меня я люблю» (Притч. 8: 17)?

При таком взгляде, который ближе ветхозаветным представлениям, соотношение количества «возлюбленных» и «отверженных» имеет значение. Если наследниками блаженства и объектом любви оказывается только горстка праведников, любовь Божия выглядит весьма ограниченной, а выражение «Бог есть любовь» – натянутым¹⁴.

Итак, отвержение «оптимистического сценария» в судьбах мира дается ценой разрушения идеалистического представления о Боге любви. Любовь Бога предстает не превосходящей человеческое представление, а наоборот – более узкой, ограниченной, антропоморфной. Чем более страшной представляется судьба нераскаянных грешников, чем масштабнее эта категория на веки отверженных, тем большим ограничениям и уточнениям подвергаются слова евангелиста Иоанна «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8). Я думаю, примерно так это «уравнение» выглядит с точки зрения логики.

Однако мы можем взглянуть на эту проблему иначе. Опираясь на человеческий опыт в области сильных эмоций, мы приходим к выводу, что одна любовь, не сдерживаемая ничем, становится страстью, неуправляемым влечением и приводит к разрушительным последствиям. Мы не можем сказать этого о Боге. Следовательно, божественная любовь гармонизируется другими свойствами: премудростью и правосудием. Итак, речь здесь идет не об ограничении, а о дополнении. Совершенство любви Бога, таким образом, – не только в ее силе, но и в гармоничном характере, уравновешенности другими свойствами Божества.

Все это, кажется, представляет подходящее, хотя и более сложное объяснение любви Божией. Трудность, однако, остается в понимании того, каким образом данная по любви к человеку свободная воля может являться препятствием для той же божественной любви, когда речь идет об освобождении человека от мук. Разве любящий отец не отберет подаренный нож у порезавшегося ребенка и не намажет рану зеленкой (несмотря на то, что дитя брыкается и кричит, что ненавидит родителя)?

Вероятно, это ложная аналогия: возможность изменения в самоопределении человеческой воли заканчивается со смертью. Неисцеленные при жизни раны греха навсегда остаются с человеком.

Свободная воля

Направление к злу свободной воли разумных творений (людей и ангелов) в христианстве понимается как основная причина существования вечных мучений.

Встает вопрос: зачем Всемогущий Бог Любви создал разумные творения со свободной волей, если Он знал, что часть из них (возможно, бóльшая) окажется в нескончаемой муке?

Существует следующая аналогия, позволяющая лучше понять остроту вопроса: представим себе отца, знающего о склонности сына к самоубийству. Несмотря на это знание, отец дарит сыну пистолет. Результат плачевен. Виноват ли в случившемся только сын или часть вины ложится и на отца? В рамках данной аналогии пистолет – свободная

преступления, или статусом потерпевшего. Всемогущее существо по определению не может потерпеть ущерб. Следовательно, осуждая души на вечное мучение, Бог наказывает их за действия, которые не имели для Него никаких последствий.

¹⁴И это мягко сказано. Вечное мучение миллионов сотворенных Богом душ ставило бы вопрос о действительности Жертвы Христа, о плодах Искупления и о смысле христианства вообще.

воля, отец – Бог, а сын – разумное тварное существо¹⁵. Христианская ортодоксальная традиция, кажется, не дает однозначной реакции на такую постановку вопроса¹⁶.

Можно предположить, что существовало три возможных варианта сотворения разумных существ:

1. Существа, лишённого свободной воли (но такое существо «хуже» обладающего свободной волей).

2. Обладающего свободной волей и способного на ряд фатальных ошибок, приводящих к вечным мучениям.

3. Обладающего свободной волей, но не совершающего таких ошибок¹⁷.

Первый вариант можно рассматривать просто как отказ от творения свободных разумных существ.

Реализация Творцом второго сценария при действительной возможности третьего конфликтует с представлением о благом Боге. Поэтому с точки зрения теизма третий вариант нужно просто считать логически невозможным, а всемогущество Бога понимать как способность совершить все логически возможное (Бог не иррационален).

Это, однако, не снимает проблемы: зачем Бог создает свободные существа, часть из которых окажутся в вечной муке, при том, что можно было вовсе отказаться от творения таких существ?¹⁸ Ответ, видимо, сводится к уже прозвучавшему: «бытие – лучше небытия».

В связи со всеми перечисленными трудностями одним из решений в рамках ортодоксии будет снятие вопроса о нравственной ответственности Творца. Бог (в отличие от «отца» из вышеприведенной аналогии) не может подлежать нравственным оценкам (тем более, оценкам несовершенного в нравственном отношении человека). Нет никакого универсального критерия, стоящего над Богом, критерия, с которым Бог должен сверяться, совершая те или иные действия. Бог сам является источником нравственного закона. Он также абсолютно благ и премудр, из чего следует, что действия и решение Бога не могут быть неразумными или злыми. Другими словами, благо не есть что-то внешнее, отдельное от Бога. Благом является то, что делает Бог.

¹⁵ Одним из недостатков этой аналогии является то, что пистолет не является функциональным подобием свободной воли. Свободная воля является неотъемлемой чертой человека. Таким образом, дарование свободной воли не сводится к некоему «дополнительному подарку». Это, однако, не опровергает основного содержания аналогии: дарование свободной воли (например, в самом акте творения человека), кажется, связано с «нравственной ответственностью» Бога за вечные муки, которым подвергнутся некоторые люди.

¹⁶ Позволю себе предположить, что если бы такой ответ нашёлся, его давно уже пустили в ход апологеты.

¹⁷ Лучше рассматривать эти варианты в рамках модели множественных миров. В этом случае третий вариант означает такой возможный мир, в котором чисто статистически все свободные творения на протяжении всего существования выбирают добро. Но даже если создание такого мира логически возможно (это отрицает, например, А. Плантинга), оно фактически означает уничтожение альтернативных возможностей. В этом случае имеет место предопределение всех разумных существ к спасению. Такая модель подразумевает компатибилистский взгляд на свободу воли, что противоречит обычной интуиции: свобода воли означает возможность альтернативных решений.

¹⁸ Многие богословы высказывались в том смысле, что сотворение мира (и разумных существ) произошло от изобильной любви Божией. Однако можем ли мы принять то, что та же самая божественная Любовь, ставшая причиной творению существ со свободной волей, будет безучастно взирать на вечные мучения сотворенных? Можем ли мы принять то, что любовь Божия как-либо конфликтует с Его премудростью и всеведением (Бог знал, что дар свободной воли будет использован во зло)?

Несмотря на то, что этот подход («теория божественной заповеди») имеет поддержку в традиции, он вызывает серьезные вопросы (особенно в связи со злоупотреблениями религиозной мотивацией в войнах и подоб.).

Все же можно согласиться, что мы впадаем в ошибку, оценивая Бога, потому что не можем охватить своим умом ни Его Самого, ни причин Его действий. У нас нет критериев, делающих такую оценку возможной.

Можно поставить вопрос еще жестче: какое право имеет человек судить Бога? Вспоминаются слова ап. Павла о том, что глина не может спорить с горшечником, а грешный человек – пререкаться с Богом о том, каким он сотворен (Рим. 9: 18–21). Но в случае буквального прочтения этой аналогии все разговоры о любви Бога к «глине» и об уважении Им человеческой свободной воли следует закончить. И это явно не тот ответ, который подойдет православному апологету.

Скорее, в этом вопросе следует придерживаться умеренных позиций: человеку, сотворенному по образу и подобию Бога, дано некоторое понимание божественных свойств через рассмотрение собственных. Надо лишь быть осторожными и не ставить знак равенства между божественной благостью, праведностью и человеческой добротой и справедливостью.

Можно также попробовать снять вопрос следующим образом: если рассматривать любые нравственные обязанности и правила как продукт отношений двух сторон, тогда попытка оценки действий Бога, совершенных еще до того, как возникли некие отношения Бога и человека, – логическая ошибка. Из этого следует, что Бог не является нарушителем нравственных обязанностей по отношению к человеку в момент его сотворения, Бога нельзя обвинить в том, что Он поступил безнравственно, сотворив существа, способные выбрать зло¹⁹. В момент творения свободных разумных существ их отношения с Богом еще не существовали²⁰.

Лично мне это рассуждение кажется натянутым. В нем не учитывается предведение Бога о судьбах творимых разумных существ. Отношения Бога с человеком существовали до сотворения людей (по крайней мере, со стороны Бога). Некой аналогией этих отношений является ответственность выпускника медицинского университета в отношении будущих пациентов. Выражением этой нравственной обязанности является известная «клятва Гиппократа».

Вне логики

Кажется, попытка отстаивать ортодоксальный взгляд на вечную муку обходится достаточно дорого: мы не можем просто сказать «Бог есть любовь», а вынуждены добавлять уточнения. С другой стороны, «оптимистическое богословие» в духе одной из форм оригенизма вроде бы дает логичный и простой ответ: Бог любви в конце концов спасет всех грешников. Но именно эта простота и логичность и вызывает подозрения²¹.

Кажется, правильнее всего будет отвергнуть и оригенизм, и попытки истолковать любовь Божию в ограниченном виде. Скорее всего, решение этого вопроса вообще находится вне возможностей человеческого ума. Например, логическое решение вопроса о Троичности Бога заключается в том, что никакой Троицы нет и быть не может. Бог или

¹⁹ Важно как мы определяем всеведение Бога. Например, согласно представлениям сторонников открытого теизма, о событиях, которые еще не произошли, просто *нечего* знать. События разворачиваются во времени и Бог движется в нем вместе с “передней границей” реальности. Поэтому незнание Бога о том, какие конкретно решения примут свободные творения, созданные им, не является ограничением всеведения. Если же Бог не знал о предстоящем грехопадении, Он не несет и нравственной ответственности за произошедшее. Однако этот взгляд на всеведение и вообще отношение Бога к миру сильно расходится с православной традицией.

²⁰ Объявление первой заповеди (Быт. 2:17) не является эквивалентом дарования свободной воли. Адам и Ева уже имели способность выбирать, когда их отношение к Богу подверглось испытанию.

²¹ Не говоря о том, что оригенизм последовательно осуждался Церковью как на соборах, так и в творениях многих святых.

один, или богов много. Христианская «Троица-Единица» парадоксальна, и с этим ничего не поделаешь. Божественная любовь сочетается с божественным правосудием, и это данность, с которой нужно считаться.

В конце концов, то, как мы относимся к проблеме вечных мук, сводится к тому, доверяем ли мы Священному Писанию. По мысли св. Феофана Затворника, существование вечных мук не противоречит благодати Божией потому, что и то, и другое утверждается словом Божиим.

Противоречие могло бы иметь место, «если бы вечность мук определили люди – безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: “Ваше положение не может быть принято, потому что оно противно благодати Божией”. Но когда такое определение постановил сам Господь – всеблагий и всемилостивый, то уместно ли как бы в лице говорить Ему: “Быть не может, это противно Твоей благодати?” Как будто бы Он говорил не зная что? Разве Он переставал быть благим, когда изрек сие? Конечно, нет. А если не переставал быть благим, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благодатью. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам» (Феофан 1892: 10).

Таким может быть разрешение проблемы вечных мук для верующего. Что же касается рационального ответа неверующему собеседнику, следует признать: в рамках традиционной христианской мысли, исключая универсализм, мы не можем выдвинуть законченную теодицею. Однако одновременное существование благого и всемогущего Бога и существование вечных мук не обязательно означает противоречие. У Бога могут быть неизвестные нам причины, по которым Он допускает вечные мучения грешников.

Литература

Амвросий (Погодин), архим. 1963. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. Jordanville: N.Y.: Holy Trinity Monastery.

Василий Великий, свт. 1901. Т. 5. Творения иже во святых отца нашего Василия архиепископа Кессарии Каппадокийския. М.

Исаак Сирин, преп. 2008. Слова подвижнические. Свято-Троицкая Сергиева лавра.

Феофан Затворник, свт. 1892. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М.: Афонский русский Пантелеймонов монастырь.

Hick J. 2010. *Evil and the God of Love.* Palgrave Macmillan.

Lewis C. S. 2002a. *The Great Divorce* // *The Complete C.S. Lewis Signature Classics.* N.Y.: Harper One, 463–542.

Lewis C. S. 2002b. *The Problem of Pain* // *The Complete C.S. Lewis Signature Classics.* N.Y.: Harper One, 543–646.

Robertson Nicoll W. // *Expositor's Greek Testament.* URL: <https://biblehub.com/commentaries/egt/matthew> (2019. 12 февр.).

Scott S. M. Mark. 2015. *Pathways in Theodicy. An Introduction to the Problem of Evil.* Minneapolis: Fortress Press.

Tzamalikos P. 2007. *Origen: Philosophy of History and Eschatology* // J. den Boeft, J. van Oort, W.L. Petersen, D.T. Runia J.C.M. van Winden, C. Scholten (ed.). *Supplements to Vigiliae Christianae.* V. 85. Leiden; Boston: Brill.

Hieromonk Paul (Korotkikh)
Moscow, Russia

IS THERE A POSSIBLE ORTHODOX SOLUTION TO THE PROBLEM OF ETERNAL SUFFERING?

Abstract. This article is devoted to the study of the religious and philosophical problem of evil in the context of traditional Christianity. The focus is on examining the contradictions that arise when comparing the doctrine of the good and omnipotent God and the doctrine of eternal torment, on the search for possible ways to resolve them. A number of opinions, which make it possible to mitigate or remove this problem are considered and critically analyzed in the work. As a result, the author comes to the conclusion

that it is impossible to have complete theodicy in the framework of the traditional doctrine, but also confirms the possibility of defence of the Christian doctrine from criticism.

Keywords: theology; theodicy; problem of evil; universalism; orthodoxy.

About the author: Hieromonk Paul (Korotkikh), Magister of Theology, Lecturer at the Kolomna Theological Seminary.